

С Э Й Т Ё

МАЦУМОТО

ИНСПЕКТОР ИМАНИСИ
РАССЛЕДУЕТ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Сэйтё Мацумото

Инспектор Иманиси расследует

«Издательство АСТ»

1961

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

Мацумото С.

Инспектор Иманиси расследует / С. Мацумото — «Издательство АСТ», 1961 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-175752-6

В депо возле железнодорожной станции Камата находят окровавленный труп. Незадолго до гибели убитого видели в баре беседующим с человеком, который говорил на северо-восточном диалекте. Один из свидетелей мимоходом расслышал слово «Камэда», но что же оно означает и как связано с убийством? За расследование берется опытный инспектор полиции Эйтаро Иманиси, который намерен во что бы то ни стало найти ответы. Роман «Инспектор Иманиси расследует» публикуется на русском языке впервые!

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-175752-6

© Мацумото С., 1961
© Издательство АСТ, 1961

Содержание

Глава 1. Посетитель виски-бара	6
1	6
2	10
3	15
4	19
Глава 2. Камэда	24
1	24
2	28
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мацумото Сэйтё

Инспектор Иманиси расследует

Роман

Seicho Matsumoto
Suna No Utsuwa

* * *

© SN Kikaku, 1961

© Перевод. Н. Румак, 2026

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Глава 1. Посетитель виски-бара

1

В переулке у станции Камата стоял дешевый виски-бар «Торис», в окнах неширокого фасада горел свет. Шел двенадцатый час, и почти все обычные заведения в этом квартале уже закрылись, улицу освещали лишь похожие на стебли ландышей фонари. Дальше находились заведения, в которых можно было поесть, и небольшие бары, а этот притулился на отшибе.

Ожидаемо от такого заведения, внутреннее убранство было скромным. Сразу от входа тянулась длинная стойка, в углу стояло два столика, отделенных от общего пространства. Правда, сейчас там никого не было, а у стойки сидели трое мужчин – по виду служащие и женщина, видимо, из канцелярии той же компании. Они сидели рядом, облокотившись на стойку. Все, похоже, были здесь завсегдатаями, поскольку весело болтали с молодым барменом и официантками.

Не умолкая, звучала пластинка – в основном джаз и модные песенки, и девушки иногда подхватывали ритм и подпевали. Все посетители были пьяны. Судя по разговору, они начали свой вечер где-то еще, а по дороге домой вышли на станции Камата и заглянули сюда.

– Эт-ваш начальник бюро... – говорил один из мужчин, наклоняясь к своему спутнику. – П-моему, он подлизывается к начальнику отдела. Как ни п-смотрю – все заискивает перед ним, блевать тянет. Может, скажешь ему?

– Дак там все такие! Это заместители так начальника настропалили! Теперь уж поздно говорить!

Отвечавший опустошил свой стакан.

– Н-льзя ж так! Все смеются!

– А то он не знает, что смеются! Но если на это смотреть, так и не продвинешься по службе! Главное в карьере – действовать по-своему, бесстыдно льстить начальству, не обращая внимания на то, что думают другие. Не знаю, конечно, что он про себя думает. Что скажешь, Мити, я прав?

Он повернулся к девушке лет двадцати пяти – двадцати шести. У нее уже тряслись плечи.

– Прав, конечно! Наш начальник отдела дни считает, когда начальник департамента уйдет на пенсию, а тому еще три года осталось. А заместители целятся на его местечко!

– В общем, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Разные есть способы продвинуться вверх, надо все просчитывать. Впрочем, к нам это не имеет отношения. Все, что нам достается, – это вот так пить каждый вечер. Тоска! Зато вам каждый вечер прибыль приносим! – Клиент повернулся к бармену.

– Все благодаря вам! – улыбнулся тот и церемонно поклонился.

– Кстати, Мити, мой аванс в этом месяце – ограничения все еще есть?

– А как же! Даже не думай!

– Эх-х. Значит, и в этом месяце расти будет только стопка счетов. Конечно, я ведь в день зарплаты сразу бегу в бухгалтерию за авансом на следующий месяц. В прошлый раз получил всего одну тысячеиеную бумажку, да и та спряталась под счетами. Мити, я на тебя рассчитываю.

– Фу, какой! Здесь уж можно было обойтись без этого нытья?

В этот момент дверь открылась, и появились люди. В баре свет был прикручен, насколько позволяли правила. Кроме того, дым от сигарет присутствующих создавал плотную завесу, поэтому лица двоих вошедших мужчин сразу было не разобрать.

– Добро пожаловать! – внимательно взглянув на посетителей, приветливо сказал бармен.

Он понял лишь, что лица ему незнакомы.

– Добро пожаловать! – оглянувшись на голос бармена, поприветствовали вошедших официантки.

Двое из завсегдатаев, сидевших рядом, тоже обернулись, услышав эти слова, но, поняв, что не знают вошедших, снова вернулись к разговору. Один из новых посетителей был в довольно заношенном синем пиджаке, второй – в светло-серой спортивной рубашке. Увидев шумную компанию за стойкой, они, видимо, решив держаться подальше, обнаружили в углу отдельные столики и направились туда.

Официантка по имени Сумико проводила гостей. О первом своем впечатлении от клиентов она сказала так: у того, что в пиджаке, была седая голова, ему было около пятидесяти, а тому, что в спортивной рубашке, около тридцати лет. Впрочем, она их не то чтобы очень хорошо разглядела, так – общее впечатление о возрасте. Взяв у бармена два влажных полотенца осибори, она отнесла их гостям.

– Что вам предложить? – спросила Сумико, ожидая заказа.

– Что возьмем? – спросил молодой, глядя на пятидесятилетнего.

– Давай по хайболу, – ответил седовласый.

Его слова прозвучали не по-токийски. Сумико потом говорила полиции, что у нее мелькнула мысль, будто они из провинции, откуда-то с северо-востока. Она приняла заказ на два хайбола.

Разговор сидевших у стойки перешел на кино. Обсуждали фильм с любимым актером Сумико, поэтому девушка отвлеклась на болтовню. Ожидая коктейли, она успела вставить пару слов в разговор, но на самом интересном месте бармен окликнул ее и выставил на стойку два стакана с пенящимся напитком. Сумико высунула язык и поставила стаканы на серебряный поднос.

– Спасибо за ожидание!

Подойдя к столику, она поставила стаканы перед каждым клиентом. Мужчины о чем-то тихо переговаривались, но когда девушка подошла, замолчали.

– Эй, – махнул тридцатилетний Сумико, которая собиралась присесть рядом. Запыленные волосы спутаны, воротник рубашки помят. – Нам тут поговорить надо. Извини, но тебе лучше уйти, – нервно сказал он.

– Конечно, не беспокойтесь, – поклонилась Сумико и вернулась к стойке.

– Они сказали, что им надо поговорить.

– Ясно. – Ее товарка бросила взгляд на столик.

Гости незнакомые, вряд ли будут обсуждать что-то интересное – она решила, что это к лучшему, и вернулась к разговору о фильмах.

– Так вот, понимаешь, он же стал гораздо лучше играть, чем пару лет назад, понимаешь...

Разговор у стойки уже перешел от фильмов к бейсболу. Бармену эта тема тоже явно нравилась, он активно участвовал в обсуждении. Поэтому на двоих за дальним столиком никто не обращал особого внимания. То, что им не нужна была девушка рядом, и то, что они вдруг начали секретный разговор, официанткам, конечно, не понравилось. Но им явно было гораздо приятнее болтать с постоянными посетителями, чем с теми, кто вообще не проявлял к ним интереса.

Клиенты в углу все еще беседовали. Вели они себя, как довольно близкие друзья. И все равно, не забывая о выгоде заведения, девушки нет-нет да и поглядывали в их сторону. В основном чтобы проверить, не опустели ли стаканы с выпивкой. Однако сколько они ни смотрели, желтоватой жидкости еще оставалась половина. Невыгодные клиенты.

Перед столиком находился вход в туалет. Поэтому и официантки, и клиенты иногда проходили мимо. Сумико уловила эти слова краем уха, когда оказалась рядом со столиком, – все-таки посетители говорили на северо-восточном диалекте. Большое количество звонких соглас-

ных обращало на себя внимание. У молодого это еще не так было заметно, а произношение седовласого было просто ужасным. О чем шла речь, она не знала. Однако мимоходом услышала слова того мужчины, что был помладше:

– Как Камэда, все по-прежнему?

– Да, все то же. Но... рад, что встретился с тобой... Столько болтают... Как же все мы...

У старшего мужчины она разобрала лишь обрывки слов. Однако из их разговора она решила, что мужчины – старые знакомые, встретились после долгого перерыва. Камэда, видимо, их общий друг. Именно это она позже рассказала следователю Токийского департамента полиции.

Другим посетителям тоже показалось, что немолодой мужчина говорил на северо-восточном диалекте. Когда они ходили в туалет, до них доносились отдельные слова тихой беседы. Но, конечно, никто этими двумя не интересовался. К тому же их собственный разговор проходил в гораздо более веселой атмосфере. В общем, на двоих мужчин, сидевших в углу, не обращали внимания ни официантки, ни другие посетители.

– Ого, скоро двенадцать! – пробормотал один из завсегдатаев, глядя на часы.

– Что ж, двинулись? Скоро последняя электричка.

– Ой-ой! – забеспокоилась девушка. – Не хочу на последнюю. Мне еще от станции до дома десять минут идти! – вяло бормотала она.

– Да ладно, не волнуйся. Если будет совсем поздно, я провожу, так и быть.

– Не хочу я, чтобы ты меня провожал, – пьяным голосом ответила девушка. – Мой брат придет к станции.

– Пф! Не знаю, что там за брат.

– Грубиян! Он не такой, как ты!

– Что, получил? И вообще, поосторожнее с Мити, в конце месяца все к ней на поклон пойдем.

– Фу, не говори гадости.

Пока они так переговаривались, двое мужчин поднялись со своих мест.

– Рассчитайте нас.

А вот куда они пошли, выйдя из бара... Впрочем, этому тоже были свидетели. Им навстречу попались два вольных гитариста, которые как раз проходили мимо. Две компании разминулись всего в нескольких метрах от бара.

Эти гитаристы нанимались играть в местных распивочных. Они запомнили, куда пошли двое мужчин, потому что как раз намеревались заработать в «Торис», а тут клиенты уходят – вот они и подосадовали.

– Да ладно, такие все равно не заказывают песни, – сказал главный в дуэте. – Не очень-то они видные.

«Видные» на сленге гитаристов означало одежду. В их работе первым делом оценивался внешний вид клиентов.

– Думаешь?

Младший, поскольку столкнулись они с уходившими посетителями бара в темном месте, на одежду мужчин внимания не обратил, а теперь автоматически обернулся им вслед. К тому времени двое уже отошли довольно далеко.

Узкая дорожка метрах в десяти впереди разделялась на две. Если пойти вправо, дорожка расширялась и переходила в оживленную торговую улицу, а если влево – приходилось идти вдоль забора, ограждавшего станцию Камата. По этой пустынной дорожке люди ходили редко. Ее ограждала колючая проволока, а вокруг находились заросшие бурьяном пустыри и заброшенные домики – в общем, женщине там ночью делать было нечего. Фонари стояли редко, неизвестно, кто на тебя выскочит. Дорожка вела к депо.

Так вот, двое мужчин свернули на эту левую дорожку. Поскольку они уже отошли довольно далеко, их «видность» нельзя было оценить, но, раз пошли по такой неприглядной дороге, значит, и клиенты не особо обещающие.

– Они вели себя дружелюбно? Вам не показалось, что они ссорились? – спросил следователь у гитаристов после того, как все случилось.

– Нет, вроде не ссорились. Вроде разговаривали между собой, но о чем – не знаю. Скорее, дружелюбно, да.

– А их речь не звучала как-то по-особенному?

– Хм... По-моему, это был северо-восточный диалект.

– А кто из них говорил на диалекте? Старший или молодой? – спросил следователь.

– Ох, темно было, лиц я особо не разглядел. По-моему, тот, что слева. Вроде он пониже был.

Ниже ростом был мужчина с сединой в волосах. Случилось это вечером одиннадцатого мая.

2

Первый поезд от станции Камата линии Кэйхин-Тохоку отходил в четыре часа восемь минут утра. Чтобы запустить его на линию, машинист, кондуктор и обходчик проснулись в дежурке в четвертом часу и отправились в депо. В просторном ангаре стояло множество поездов. В три часа утра двенадцатого мая там было темно и холодно.

Когда обходчик – молодой человек – осветил последний, седьмой вагон фонариком, то застыл без движения. Он стоял, не в силах вымолвить ни слова, но вдруг сорвался с места, побежал, размахивая руками, и ввалился на площадку, где стоял машинист, только что включивший ток.

– Эй, там «тунец»! – визгливо крикнул обходчик.

– «Тунец»? – Машинист вздрогнул, но затем засмеялся. – Да ну, поезд-то стоит! Откуда у нас «тунец»? Тебе со сна привиделось что-то. Очнись!

«Тунцом» называли человека, попавшего под поезд. Слова машиниста звучали логично. Он только что поднял пантограф и услышал звук двигателя.

– Я точно его видел! Он там лежит! – настаивал побледневший обходчик.

И машинист, и подошедший как раз в этот момент кондуктор решили все-таки сходить туда, куда показывал молодой человек.

– Вон там!

Подойдя к седьмому вагону, обходчик издала осветил его нижнюю часть. Прямо перед колесами вагона на рельсах действительно лежал человек, весь красный.

– Ничего себе! – удивленно произнес машинист, присев на корточки.

Кондуктор вскрикнул. Все трое некоторое время стояли на месте, не отрывая взгляда от тела.

– Надо звонить в полицию. Времени нет.

У кондуктора свои заботы. До четырех часов восьми минут – времени отправления – оставалось всего двадцать минут.

– Я позвоню. – Машинист бросился бежать к кабинету администратора, который находился довольно далеко.

– С самого утра так не везет! – пробормотал кондуктор, немного придя в себя. – Интересно, как это он? Поезд же не двигался. А у него все лицо красное от крови.

В депо находилось множество поездов, но тот, который отправлялся первым, стоял ближе всего к ограде. До соседнего состава не больше метра. Тело лежало ногами в противоположную от ограды сторону, к поездам. В депо фонари висят на высоких столбах, но тело мужчины оказалось заслонено от света вагоном. Позже это позволило предположить причину преступления.

Кондуктор и обходчик топтались на месте, ожидая, когда придет кто-нибудь из администрации. Переминались с ноги на ногу они вовсе не от холода. Понемногу занимался рассвет, край неба побелел. К ним приближались огни – это пришли люди из администрации и среди них дежурный по станции.

– Ого!

Он тоже, заглянув под вагон, вытаращил глаза. Нередко случается, что человек попадает под едущий поезд, но труп под колесами вагона, стоявшего в депо, он видел впервые.

– Звоните в полицейское отделение. К трупу не подходить. Первым отправляем поезд номер двести восемь, – принял дежурный надлежащие первоочередные меры.

– И кто ж такой ужас сотворил?

Остальные тоже поочередно присаживались на корточки и заглядывали под вагон. Лицо мужчины было красным от крови, заставляя вспомнить красного демона, олицетворяющего ненависть. Если бы тело не заметили и поезд поехал, лицо мужчины было бы раздавлено коле-

сом. То есть его голова лежала на рельсе лицом вверх, словно на подушке. Следовательно, его бедра оказались на другом рельсе. Если бы поезд двинулся, мужчина бы лишился лица, и ноги его были бы отрезаны прямо по суставам.

Вокруг посветлело, и когда из Токийского департамента полиции прибыл человек, фонари в депо уже погасли. Сюда прислали Куродзаки, заведующего первым отделом подразделения по борьбе с насильственными преступлениями. Его сопровождали семь-восемь подчиненных и криминалистов. За ними подтянулись несколько журналистов из разных изданий, прикомандированных к полицейскому департаменту. Конечно, их отогнали от места преступления подальше.

Седьмой вагон отцепили от состава, а остальные шесть, не разъединяя, вывели из депо. Так что теперь там одиноко стоял только один вагон, возле которого все и произошло. В нем и вокруг него внимательно работали криминалисты. Они фотографировали, зарисовывали схемы; попросили у администрации общий план станции и чертили на нем красные линии.

Когда все обстоятельства зафиксировали, тело вытащили из промежутка между колесами. Лицо было совершенно разбито. Удары, очевидно, наносили тупым предметом, глаза чуть не вываливались из орбит, нос вдавлен, рот разорван. Волосы с сединой тоже все в крови. Криминалист сразу принялся за осмотр.

– Труп свежий, – сказал он, присев на корточки. – Да, пожалуй, предположительное время смерти – три-четыре часа назад.

Его предположение подтвердилось результатами вскрытия, которое провели в тот же день после обеда в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Было установлено следующее.

1. Возраст потерпевшего – около 54–55 лет.
2. Причина смерти – удушение.
3. Почти по всему лицу многочисленные повреждения. Кроме того, руки и ноги имеют травмы, сопровождающиеся повреждением кожного покрова, везде вспухшие рубцы.
4. Содержимое желудка: светлая желто-коричневая мутноватая жидкость (содержит алкоголь), а также некоторое количество не полностью переваренного арахиса.
5. Объем мутной жидкости – ок. 200 мл. Химический анализ выявил присутствие снотворного препарата.
6. Таким образом, установлено, что потерпевший выпил смешанное с виски снотворное, после чего его задушили, а затем нанесли удары тупым оружием (например, камнем или молотком) с большой силой.
7. После смерти прошло три-четыре часа.

Предположение об оружии, указанное в результатах вскрытия, не разошлось с реальностью. Поисковая группа обыскала окрестности места преступления. Между дорогой и депо находилась небольшая канава. Оттуда и достали оружие убийства – камень.

Камень был весь облеплен грязью, но когда ее счистили, обнаружили незначительные следы крови. Из-за того, что камень бросили в канаву, большую часть крови смыло, а когда счищали грязь, удалили еще немного. Но эти следы совпали с группой крови пострадавшего. Размер камня был двенадцать сантиметров в диаметре.

Большое количество ссадин на руках и ногах потерпевшего объяснилось сразу же. Дело в том, что на сваи по периметру депо была натянута колючая проволока, но в одном месте она оказалась разрезана. Правда, сделано это было давно, через дыру сюда лазили дети, то есть это был, так сказать, их вход для игр.

Тем не менее, поскольку колючая проволока там осталась, решили, что когда потерпевшего с дороги затаскивали в депо, его руки и ноги цеплялись за шипы, из-за этого и остались ссадины.

Согласно результатам вскрытия, потерпевшему в виски подмешали снотворное. Следовательно, когда он заснул и не мог сопротивляться, преступник задушил его и затащил с дороги в депо. Затем разбил лицо большим камнем, который подобрал неподалеку, после чего, судя по всему, положил его под последний вагон первого в этот день поезда.

Волосы у потерпевшего были наполовину седыми, возраст – около 54–55 лет, рост – 160 сантиметров, вес – около 52 кг, питание хорошее. Одет был в костюм с пиджаком, однако ни белье, ни рубашка не были высокого качества. Род занятий – на первый взгляд какая-то рабочая профессия. Полиция изучила вещи, которые при нем находились. Не было ничего, что помогло бы установить его личность. На одежде не было ярлычков с именем, на белье и рубашке отсутствовали нашивки из прачечной.

Исходя из того, что труп обнаружили примерно через три-четыре часа после смерти, она наступила около двенадцати или часа ночи. Поскольку вокруг места происшествия в это время людской поток прекращается, предположили, что потерпевший вместе с преступником проходили здесь, затем один завел другого внутрь и там задушил. Либо же задушил где-то в другом месте и привез сюда на машине.

Это предположение было основано на том, что потерпевший вместе с виски принял внутрь снотворное. Значит, его опоил преступник, и когда тот заснул, задушил, а потом привез на станцию на машине. Одно время эта версия преобладала в следственной группе.

Так или иначе, преступник после удушения своей жертвы разбил ему лицо найденным неподалеку камнем. Это объясняли ненавистью. Ведь, задушив человека, преступник добился своей цели, а разбить лицо до такой степени – это уже поведение человека, сильно ненавидевшего убитого. Однако то, что тело лежало под колесами вагона лицом вверх, указывало на возможное наличие у преступника плана так изуродовать лицо погибшего, чтобы его не могли опознать. То есть преступник устроил все так, чтобы при движении поезда лицо погибшего было раздавлено. А вот то, что перед отправлением поезд осматривает обходчик, он, видимо, не принял во внимание.

Кроме того, в депо всегда горят фонари. Преступник специально поместил тело между поездами, в тени, куда не попадает свет. Видимо, это было сделано для того, чтобы его не обнаружил случайный прохожий. Отсутствие на одежде бирок с именем объяснялось тем, что потерпевший носил дешевые готовые вещи, а причиной того, что на рубашке не было даже ярлычка из прачечной, видимо, было то, что он не отдавал туда рубашки, а стирал дома. Значит, вел очень скромную жизнь.

Опираясь на все вышесказанное, следственная группа пришла к выводу, что убийство было совершено не с целью ограбления, а каким-то знакомым, который ненавидел потерпевшего. Пока было неизвестно, было ли это убийством из страсти. Так или иначе, сначала надо было выяснить личность убитого. Члены следственной группы обходили окрестности станции и опрашивали всех подряд. Тогда-то один из полицейских и узнал, что предыдущим вечером в бар «Торис» недалеко от станции заходил со своим спутником человек, похожий на потерпевшего. По словам работников бара, эти посетители оказались у них впервые.

Тогда полиция вызвала в отделение всех работников и служащих компании – клиентов, которые как раз в это время находились в баре, – чтобы узнать у них подробности. Те рассказали, что человек, похожий на потерпевшего, и его спутник зашли в заведение в двенадцатом часу. Это установили точно, потому что одна из посетительниц очень волновалась из-за последнего поезда на линии Мэкама, который отходил через тридцать минут.

Этих двоих никто не знал. У одного волосы были с сединой. Другому было около тридцати. Правда, по поводу последнего одни говорили, что ему около тридцати, другие – что ближе к сорока, а третьи – что он гораздо моложе.

Когда полиция расспрашивала в качестве свидетелей работников бара, присутствовавших тогда посетителей и гитаристов, проходивших мимо, все сошлись на том, что потерпевший

говорил с северо-восточным акцентом. Это стало подспорьем для полицейских, прилагавших все усилия, чтобы установить личность убитого.

– А как вы это поняли? – спросил следователь.

– В его речи было много звуков «дз» – такой «звнящий» диалект. О чем они говорили, не знаю, но звучал он именно так. Молодой вроде говорил на стандартном языке.

О том, что тема разговора им была неизвестна, тоже сказали все свидетели. Однако все, кто находился тогда в баре – и работники, и посетители, – время от времени ходили в туалет. А двое мужчин сидели за столиком рядом с уборной. Поэтому всем, кто туда заходил, приходилось проходить мимо них. Значит, естественным образом до них доносились обрывки разговора.

– Как Камэда, все по-прежнему? – Это, по словам одной из девушек, сказал с акцентом спутник потерпевшего.

Это слышала не только Сумико, но и еще одна официантка. То есть оба мужчины постоянно говорили что-то о Камэде. И что же это за Камэда? Полиция очень этим заинтересовалась. Ведь это было единственное конкретное имя, которое всплыло в разговоре.

– Видимо, Камэда – их общий друг, – предположил один из участвовавших в расследовании. С этим все согласились.

Значит, потерпевший и преступник были знакомы раньше, но в последнее время не виделись. Случайно встретившись, они зашли в ближайший бар. Там и заговорили про этого Камэду. Выходило, что седовласый потерпевший недавно либо виделся с Камэдой, либо находился с ним в приятельских отношениях, а его спутник – мужчина помоложе – некоторое время с Камэдой не встречался. Потому-то молодой и спросил потерпевшего, по-прежнему ли все у Камэды.

Этот факт сочли серьезным, потому что решили, что молодой мужчина, который пришел вместе с потерпевшим в бар, является либо преступником, либо имеет к преступлению какое-то отношение.

Кроме этого, посетители краем уха слышали следующие обрывки их разговора: «приятно вспомнить», «а потом не вышло так, как хотелось», «наконец-то стал привыкать к здешней жизни». В основном это говорил на своем диалекте потерпевший, а вот слова его спутника расслышать почти не удалось. Видимо, это произошло потому, что тот говорил очень тихо, почти шепотом.

А еще – вольно или невольно – этот мужчина старался скрыть свое лицо, когда кто-то проходил мимо них в туалет. И единственное, что от него слышали, – это упомянутое уже официанткой: «Как Камэда, все по-прежнему?». Версия об ограблении была полностью отброшена, сосредоточились на убийстве из ненависти.

«Возраст потерпевшего – 54–55 лет. Выглядит как рабочий. В Токио не зарегистрирован, но работает в городе. Выходец с северо-востока Японии, имеет знакомого по имени Камэда». Таково было описание погибшего, составленное следственной группой. Исходя из предположения о том, что мужчина был похож на рабочего, начали поквартирный опрос в дешевых многоквартирных домах и пансионатах.

Происшествие широко освещалось в вечерних выпусках газет, так что ожидали, что сразу появится заявление от семьи. Однако прошло два дня, но никто ни о чем не сообщил. Не было информации и от тех, кто знал этого человека.

Исходя из того, что потерпевший выпивал в баре у станции Камата, легко было предположить, что и жил он где-то неподалеку. Поэтому следственная группа в основном сосредоточилась на районе Ота. Но заметных результатов не было.

– Если он пил в баре у станции, – заявил один полицейский, – то вовсе не обязательно жил в ее окрестностях. Через эту станцию проходит и линия государственных железных дорог,

здесь же сходятся линия Мэкама и линия Икэгами. Можно предположить, что он жил вдоль одной или другой линии.

Замечание сочли совершенно разумным. В таком случае надо было сильно расширить область поисков.

– Но ведь поезда государственных железных дорог ходят от станции Йокогама-Сакурагитё до Омии в Сайтаме и обратно. Так что и этими двумя частными линиями тоже нельзя ограничиться, – сказал кто-то еще.

Область поисков пришлось бы расширять еще, включив в нее все районы, прилегающие к линии от Сакурагитё до Омии.

– Логично, – заметил начальник. – Однако разве не будет естественнее обратить внимание на то, что станция Камата является развилкой для двух частных веток? Раз эти двое зашли в бар около половины двенадцатого, вполне закономерно считать, что они живут вдоль одной из этих двух линий. И правда, свидетели из бара – служащие, работающие неподалеку и планировавшие разъехаться по домам на какой-то из последних электричек. Наверное, то же самое можно сказать и об этих двоих.

Для начала остановились на этой версии.

– Судя по тому, что рассказывают разные свидетели, потерпевший говорил на северо-восточном диалекте, а подозреваемый почти ничего не говорил. Что насчет его слов?

– Как же: спутник потерпевшего, то есть предполагаемый преступник, спросил у потерпевшего про этого самого Камэду. «Как Камэда, все по-прежнему?» Эти слова прозвучали на стандартном японском, но официантка бара утверждает, что северо-восточный акцент немного ощущался. Да и по содержанию беседы можно предположить, что мужчины были знакомы не по жизни в Токио, они земляки с Тохоку, из северо-восточного региона, – сказал один из полицейских.

3

Потерпевший – немолодой мужчина лет 54–55, похож на рабочего. Причем разнорабочего, каких нанимают на один день, – так решили в следственной группе. То же предположили и в отношении его спутника: раз мужчина выпивал в баре «Торис», он вряд ли вел богатый образ жизни. Но главной зацепкой был Камэда.

– Что ж, ищем Камэду, – сказал один из расследовавших это дело.

И правда, если найти Камэду, можно было установить личности и потерпевшего, и преступника. Однако людей с такой фамилией и на Тохоку должно быть очень много. Сложно найти всех и опросить каждого. Впрочем, поскольку других средств не было, ничего не оставалось, как взяться за этот трудоемкий способ.

Следственная группа послала запрос в подчиненное Токийскому департаменту региональное управление на Тохоку и попросила полицейские управления префектур Аомори, Акита, Иватэ, Ямагата, Мияги, Фукусима найти людей с фамилией Камэда.

Видимо, не оставалось ничего иного, как пройтись частым гребнем по этому списку многочисленных Камэд. Способ этот требовал большого количества времени и был сложен, но оставался единственным, наверняка доступным следствию. Тут было важным уточнить, действительно ли мужчина сказал «Камэда», а не что-то другое. Если фамилию расслышали неправильно, огромные усилия будут потрачены впустую. Один из следователей на всякий случай еще раз уточнил у свидетелей из бара:

– А точно ли было сказано «Камэда»?

– Да, он точно так сказал, – ответила официантка.

Это подтвердили и другие. Так услышал один из посетителей, то же самое слышал и бармен. Оба они ответили, что прозвучала именно эта фамилия. Проблемой было то, что ни один из свидетелей не помнил как следует лицо спутника потерпевшего. Даже насчет возраста были сомнения: кто говорил, что ему около тридцати, кто – что около сорока, а кому-то даже показалось, что он моложе.

То, что черты лица мужчины никто не разглядел, могло объясняться тем, что он намеренно отворачивался ото всех. Но вообще-то в тот вечер посетители и персонал бара с интересом обсуждали фильмы и не обращали внимания на двоих мужчин. Это тоже подтвердило версию о том, что оба мужчины – особенно спутник потерпевшего – сознательно прятали лица.

К тому же это позволяло сделать вывод, что молодой является убийцей и что он планировал это преступление. Если бы было известно, как он выглядит, можно было бы, опираясь на слова свидетелей, составить фоторобот. Но никто не помнил его лица, так что получить изображение оказалось невозможно.

Со дня убийства минула неделя. Личность потерпевшего так и не установили. Следственная группа все силы направила на опрос населения вдоль линий Мэкама и Икэгами.

Исходя из того, что потерпевший был похож на поденного рабочего, просмотрели все записи местных организаций по трудоустройству. Камэды там не было. Обыскали и дешевые квартиры, и пансионы, где он мог бы жить. Никого похожего не обнаружили. Прошла неделя после происшествия, а кем является потерпевший, так и не узнали. Не нашли и преступника.

Следственная группа и не ждала, что убийцу обнаружат сразу. Других свидетелей, кроме посетителей бара и проходивших мимо гитаристов, не появилось. В штабе предполагали, что, судя по ужасному состоянию тела убитого, преступник тоже должен быть весь в крови. Поэтому проверили все токийские компании такси на предмет того, не садился ли в тот вечер в чью-то машину соответствующий этому описанию человек, однако это тоже не дало никаких результатов.

Предполагали также, что преступник, совершив свое злодеяние, побоялся, что если ночью пойдет по улице в таком виде, попадется кому-нибудь на глаза, поэтому где-то спрятался, отстирал окровавленные брюки и рубашку, подождал рассвета и сбежал на утренней электричке. Опросили кондукторов в поездах, но тоже не получили подтверждения, что кто-то видел подобного человека.

Обыскивали также и окрестности. В округе было много заброшенных, заросших пустырей. Предполагали, что преступник, совершив убийство, мог на время затаиться в одном из таких мест. Подходящие пустыри обыскали тщательнее, чем при ловле блох, но ничего, что могло бы иметь отношение к преступлению, не нашли. Известно было лишь, что в тот вечер в депо было совершено жестокое преступление, но все следы рассеялись, словно туман.

Раз так, необходимо было во что бы то ни стало все силы бросить на выяснение личности потерпевшего. Потерпевший и преступник знали друг друга в лицо и были в приятельских отношениях.

К этому времени стали появляться ответы по поводу запроса по фамилии Камэда, который следственная группа отправила региональным управлениям на Тохоку. Камэда Сюити, Камэда Умэкити, Камэда Сёдзо, Камэда Камо, Камэда Рёскэ, Камэда Сацуо, Камэда Сэйити, Камэда Хисаси, Камэда Кунио, Камэда Таро, Камэда Ётаро, Камэда... Из каждой префектуры Тохоку потоком текли Камэды.

Места проживания тоже были самыми разными: префектура Фукусима, уезд Синобу, город Иидзака; префектура Фукусима, город Айдзу-Вакамацу; префектура Фукусима, уезд Адати, деревня Това; префектура Мияги, город Исиномаки; префектура Мияги, уезд Сибата, город Мурата; префектура Мияги, уезд Курокава, деревня Томия; префектура Ямагата, город Ямагата; префектура Ямагата, уезд Хигасимура, деревня Тоёсака; префектура Иватэ, город Рикудзэн-Такада; префектура Акита, уезд Минами-Акита, город Сёва; префектура Фукусима...

Управление решило поручить розыски человека по имени Камэда соответствующим органам, в ведомствах которых находились указанные местности. Из всех районов Тохоку было собрано общим числом тридцать два Камэды. Главное следственное управление потребовало от местных отделений полиции навести справки о каждом. Один за другим стали приходить ответы. Их поступление закончилось на пятый день.

Все ответы гласили: «Не имеет представления». Семьи, родственники, знакомые, друзья этих тридцати двух человек ничего не знали о потерпевшем. Лицо у него было разбито камнем, но не полностью. Его смогли восстановить до приемлемого состояния и разослали фотографию.

– Что же делать? – нахмурился руководитель следственной группы. – Возможно, мы ошиблись, ограничив розыск регионом Тохоку. Их общий приятель Камэда совершенно необязательно оттуда. Он может быть из Токио, а может быть и с запада.

Он был прав. Исходя из того, что потерпевший говорил на местном диалекте, решили, что и Камэда, само собой разумеется, находится на Тохоку либо родился там, но он мог быть и из другого региона Японии.

В газетных материалах, посвященных этому делу, была статья и про Камэду. Решили попросить газетчиков уделить этому больше внимания и обратиться ко всем Камэдам в Японии.

Больше зацепок не было. Следственная группа с самого начала энергично занялась этой версией, но пока их действия не увенчались успехом. Кроме того, до сих пор ничего не удалось выяснить о передвижениях потерпевшего и преступника. Решили сосредоточиться на их действиях до того, как они появились в баре у станции Камата. Но и здесь, так же, как и в первом случае, никакого результата не получили.

Полицейские день за днем, уже с трудом передвигая ноги, опрашивали жителей. В отделение они возвращались усталые. Если бы им хоть что-то попало, то, как бы ни была велика усталость, лица бы светились, однако поиски оставались тщетными – и все они выглядели измученными, изнуренными. В общем, непростое следствие грозило стать совсем запутанным.

Одним из этих уставших полицейских был Эйтаро Иманиси. Вернувшись в отделение, он почему-то постеснялся даже выпить чаю. Инспектор занимался опросом жителей в дешевых домах и пансионатах, стоявших вдоль линии Икэгами. После происшествия он уже целых десять дней вышагивал по этому району. Вот и сегодня он в задумчивом состоянии вернулся в отделение без всякого улова.

Там его сразу ждало совещание. Нужно было изучить материалы, которые привезли другие участники расследования, но и сегодня ничего достойного внимания не было. В комнате царили раздражение и усталость. Когда подобное состояние дел затягивается, поверх усталости наслаивается какое-то безразличие.

Эйтаро Иманиси вернулся домой почти в двенадцать часов ночи. За решетчатой дверью в прихожую свет не горел. Видимо, решив, что сегодня он тоже не вернется, домашние заперлись. Он нажал на кнопку звонка у двери. Через некоторое время свет зажегся, и через стекло он увидел силуэт жены.

– Кто там? – спросила она из-за двери.

– Я это, – ответил Иманиси, встав перед дверью.

Дверь открылась, выглянула жена – Ёсико. Свет падал только на ее плечи.

– Заходи.

Иманиси молча вошел, снял обувь. Даже каблуки за эти несколько дней стерлись, и ботинки стояли на подставке, покосившись. Из маленькой прихожей он вошел в комнату побольше. Там были расстелены три футона, на одном из них виднелось лицо мальчика. Присев на корточки, Эйтаро Иманиси потрепал десятилетнего сына по щеке.

– Ты что, разбудишь, – укорила его жена.

– Я уже десять дней вижу его только спящим, захотелось поговорить – пусть бы даже и разбудить.

– Завтра тоже поздно вернешься? – спросила жена.

– Не знаю.

Иманиси с сожалением отошел от постели ребенка, прошел в следующую комнату, просторнее предыдущей, и сел там.

– Поешь? – спросила жена.

– Ночь уже, давай что попроще, какое-нибудь отядзукэ¹, – ответил Иманиси, вытягивая ноги на татами.

– Рюмочку налью. – Жена, улыбаясь, ушла на кухню.

Переодеваться не хотелось, Иманиси лег и взял какую-то газету, но глаза сами собой закрылись. Краем уха он слышал на кухне звуки, но незаметно для себя задремал.

– Готово! – разбудила его жена.

Она принесла низкий столик, на нем стоял кувшинчик с сакэ. Пока Иманиси дремал, жена укрыла его одеялом. Он скинул его и поднялся.

– Так устал? – Жена взяла кувшинчик в руки.

– До смерти.

– Извини, ты так сладко спал, но надо же поесть.

¹ *Отядзукэ* – вареный рис, залитый зеленым чаем. Также существуют варианты, в которых рис заливают рыбным бульоном или каким-то супом, возможно также добавление маринованных слив, овощей, водорослей, рыбы и т. п. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Она наклонила кувшинчик над чашечкой. Иманиси потер глаза. Выпив сакэ залпом, он ухватил кусочек соленой каракатицы из банки.

– Вкусно. Не выпьешь со мной? – Он протянул чашечку жене.

Та только пригубила сакэ для виду и сразу вернула чашечку мужу.

– Еще не разобрались? – Это она про дело.

Со времени происшествия в Камате Иманиси застрял в следственной группе и каждый день возвращался поздно, так что жена беспокоилась из-за того, что он устает.

– До сих пор ничего, – покачал он головой, поднеся ко рту следующую порцию сакэ.

– В газетах столько всего пишут! Похоже, расследование затягивается? – спросила Ёсико, глядя на Иманиси.

Ее беспокоило не столько расследование, сколько накапливающаяся усталость мужа.

– Там написали, что ищут человека по имени Камэда. В статье говорилось, что он был известен убитому и преступнику, – его пока не нашли?

Обычно жена не расспрашивала Иманиси о расследованиях. Да он и сам старался о работе дома не говорить. Однако сейчас ее слова свидетельствовали о том, что газетные статьи вызывали определенный интерес к делу.

– Угу, – неопределенно промычал Иманиси.

– Столько шума в газетах, почему же его до сих пор не обнаружили?

Иманиси и на это не ответил. Какой бы ни был случай, с семьей он это обсуждать не собирался. Когда-то жена попыталась дотошно расспросить его об одном деле. Он тогда отругал ее и запретил заговаривать о расследованиях. С тех пор Ёсико воздерживалась от обсуждения, но почему-то именно сейчас как будто забыла о том разговоре. Однако муж все равно ничего толком не отвечал. Тогда она нерешительно спросила:

– А что, так много этих Камэда?

– Да, похоже, не так уж и много.

Иманиси не мог ругаться на заботливую жену, которая налила ему сакэ, беспокоясь из-за его усталости. Поэтому дал уклончивый ответ.

– Я сегодня заходила по делу в рыбную лавку, попросила у них телефонную книгу и заглянула туда. В Токио сто две семьи с такой фамилией, – сказала жена. – Сто две – это не очень много, но и не так уж мало.

– Пожалуй, – пробормотал Иманиси, поднеся ко рту вторую чашечку.

Ему не хотелось говорить о работе, а еще он просто не мог уже слышать эту фамилию. Сколько же сил потратил департамент, чтобы найти Камэду! Да и сам он ходит с фотографией потерпевшего по пансионатам и квартирам вдоль линии Икэгами, еле волооча ноги. Сейчас он хотел просто заснуть, не думая о работе.

– Ну как, подействовало?

И правда, по телу разлилось тепло.

– Ты устал. Поэтому на тебя быстро действует.

– Еще одну – и поесть.

– Ничего нет. Я не знала, вернешься ты сегодня или нет.

– Ну ладно.

Жена снова ушла на кухню. В голове стало легко.

– Камэда, значит... – незаметно для самого себя пробормотал Иманиси.

Все-таки это его беспокоило. Он не думал, что пьян, но еще пару раз повторил эту фамилию.

4

В то утро Эйтаро Иманиси слегка проспал. Он каждый день задерживался на работе допоздна, иногда ночевал прямо в отделе, так что сегодня на службу можно было и не спешить. Проснулся он почти в девять. Сына уже не было – ушел в школу. Инспектор умылся и сел за стол – усталость почти исчезла благодаря тому, что он впервые за долгое время как следует выспался.

– Сегодня тебе когда надо быть? – спросила жена, накладывая завтрак.

– К одиннадцати.

– Правда? Что ж, тогда можно не спешить.

Дворик у них был небольшой, но зато утром его освещало солнце. Светило оно уже довольно сильно. На листьях бонсая скопилась вода, поблескивая в лучах. Наверное, жена полила.

– Сегодня пораньше вернешься?

– Вот уж не знаю.

– Хорошо бы пораньше. Работа допоздна плохо сказывается на здоровье.

– Тут говори – не говори, с моей работой ничего не поделаешь. Пока дело не разрешится, я и сам не могу предположить, буду сегодня рано или поздно.

– А когда это дело закончится, возникнет следующее, так? Одно за другим – и так без конца, да?

Жена говорила недовольно, но это оттого, что жалела мужа. Иманиси сделал вид, что это его не касается, полил рис супом-мисо и стал заглатывать еду. Он родился в деревне и до сих пор не мог избавиться от тамошних привычек. Жена корила его за вульгарное поведение, но ему рис, политый супом, казался вкуснее всего. Наевшись, Иманиси разлегся в гостиной. Видимо, сон еще не ушел совсем – стоило прилечь, и тело охватила вялость.

– Поспи немного перед уходом.

Жена принесла подушку и тонкое одеяло, укрыла его. Но сразу он не заснул. Протянул вдруг руку к женскому журналу, который лежал рядом. Даже сейчас расследование не шло из головы. Чтобы отвлечься, он взял толстое издание.

Инспектор собирался бездумно почитать журнал, но оттуда вдруг выпала брошюра – приложение. Это оказалась сложенная цветная карта «Самые живописные горячие источники Японии».

Иманиси, не вставая, развернул карту, держа ее над собой. Ее оказалось забавно разглядывать. Однако постепенно внимание Иманиси привлек регион Тохоку. Камэда вертелся в мозгу. Если верить свидетелям, и потерпевший, и второй – видимо, преступник – говорили на диалекте Тохоку. Особенно потерпевший – его речь звучала так, будто он совсем недавно прибыл оттуда в Токио.

Иманиси, разглядывая карту Тохоку, увлекся. Мацусима, горячие источники Ханамаки, озеро Тадзава, озеро Тавада... На карте железнодорожные линии были усыпаны мелкими названиями станций.

Интересно, из какой местности Тохоку приехал потерпевший? И в каком месте этой карты живет человек по имени Камэда? Отодвинув эти мысли куда-то в глубь сознания, Иманиси разглядывал названия станций. Читать неизвестные названия тоже оказалось увлекательно. Иманиси никогда не был на Тохоку. Но ему показалось, что пока он смотрел на неизвестные ему топонимы, в голове всплывали неясные картины этой местности. Вот, например, слева – озеро Хатиругата. За ним – полуостров Ога.

Иманиси читал названия станций этой части региона. Глаза бежали по иероглифам: Носиро, Коигава, Оивакэ, Акита, Симохама. Но на следующем названии Иманиси вдруг ахнул. Там было написано: «Уго-Камэда». Уго-Камэда!

На миг у него потемнело перед глазами. Здесь тоже есть Камэда. Только это не фамилия человека, а название местности! Поскольку это железнодорожная станция, название пишется через дефис, но значит, там наверняка есть либо город, либо деревня с таким названием. Вот где Камэда! Иманиси уставился на название и целую минуту не двигался. Затем вдруг отшвырнул карту и, подскочив, сразу же стал собираться.

– Что с тобой? – вышла из кухни жена, глядя на поспешно переодевающегося мужа. – Не спится?

– Некогда спать, – сказал он. – Почисть-ка быстренько обувь.

Иманиси был сам не свой.

– Ты же сказал, что к одиннадцати. – Жена взглянула на настенные часы. – Еще рано.

– Неважно, давай скорее. Я должен идти, – рявкнул Иманиси.

Он сам чувствовал свое возбуждение и, попрощавшись с изумленной женой, в спешке зашагал по дороге – даже не стал дожидаться автобуса. «Камэда – не фамилия! – бормотал он про себя. – Мы ошиблись, надо было искать не человека». Если слово «Камэда», всплывшее в разговоре потерпевшего и его спутника, относилось к названию местности, тогда все действительно сходилось.

«Как Камэда, все по-прежнему?» – так спрашивал спутник потерпевшего. Они думали, что это фамилия человека, но если это относилось к месту, тогда выражение звучало даже естественнее. То есть спросивший об этом человек, когда-то живший в тех краях, хотел узнать, не изменилось ли там что-нибудь.

Иманиси не знал, что представляет собой эта Уго-Камэда. На карте он лишь увидел, что станция находилась в префектуре Акита и была пятой от города Акита по линии Уэцу, ближе к побережью Японского моря. В следственную группу он прибыл в одиннадцатом часу.

– Ты чего так рано? – Один из коллег хлопнул его по плечу.

– Начальник здесь?

Следственной команде выделили комнату в районном отделении Синагава.

– Да, только пришел.

Они разговаривали в коридоре. Иманиси открыл дверь, на которой висел листок с длинной вереницей иероглифов: «Группа по расследованию убийства в депо Камата». В центре помещения стоял стол, за которым сидел инспектор Куродзаки, читая какие-то отчеты. Куродзаки был заведующим первым отделом подразделения по борьбе с насильственными преступлениями, а сейчас его поставили во главе следственной группы. Иманиси сразу подошел к нему и поприветствовал:

– Доброе утро.

– Угу. – Голова на короткой шее, зажатая округлыми плечами, лишь чуть-чуть качнулась, обозначая приветствие.

– Господин начальник, я по поводу нашего Камэды, – начал Иманиси.

– Ты что-то узнал? – поднял голову Куродзаки.

Волосы у него чуть курчавились, глаза были узкими, двойной подбородок образовывал складку. Сам инспектор тоже был крупным мужчиной. Сейчас, глядя на собеседника, он часто моргал, тоже нервно реагируя на слово «Камэда».

– Не знаю, прав я или нет, но я насчет имени, – заговорил Иманиси. – А не может это быть не фамилией, а местным названием?

– Что? Названием? Названием места? – Начальник посмотрел на Иманиси.

– Я точно не знаю. Но мне так показалось.

– И что, это место находится на Тохоку?

– Да. Честно говоря, я его сегодня утром обнаружил.

Куродзаки громко вздохнул и застонал:

– А мы-то и не подумали... Ясно. Так, значит... – задумчиво протянул он, видимо, тоже прокручивая в голове слова потерпевшего. – И где же эта Камэда?

Взгляд его стал напряженным.

– В префектуре Акита.

– Какой уезд?

– Этого не знаю.

– Но где оно хотя бы?

– Пять остановок от станции Акита, ближе к Цуругаоке, – сообщил Иманиси. – Станция называется Уго-Камэда. Значит, где-то возле этой станции есть местность под названием Камэда.

– Эй, принесите карту префектуры! – заорал начальник.

Один из молодых полицейских вылетел из комнаты, чтобы добыть карту.

– Но ты молодец, обратил внимание! – прищурившись, сказал Куродзаки, пока они ждали.

– Я просто разглядывал карту и вдруг обратил внимание на эту станцию.

– А зачем ты ее разглядывал?

– Да так, просматривал приложение к женскому журналу, который покупает жена, – смущенно ответил Иманиси.

– Вовремя ты это заметил! – похвалил его начальник.

– Но мы пока не знаем, верно ли это, – спохватился Иманиси.

Он и правда не знал, правильно ли сработала его интуиция или нет. А вот если правильно – значит, ему чертовски повезло!

Полицейский, убежавший за картой, вернулся, держа в руке шелестящий свернутый лист.

– Вот карта префектуры Акита.

Начальник быстро раскрыл ее.

– Иманиси, где это?

Иманиси тоже сунулся к карте.

– Ты все вверх ногами видишь. Так непонятно будет, иди сюда.

– Слушаюсь! – Иманиси встал рядом с начальником и стал разглядывать мелкие знаки.

Карта достопримечательностей, которую он видел утром, была попроще, без обозначения рельефа местности. Значит, на этой, более подробной, надо было найти город Акиту и отсчитать от него пятую станцию по линии Уэцу. Иманиси отыскал Акиту и провел от нее кончиком мизинца по линии Уэцу.

– Вот! – ткнул он пальцем в точку.

– Ну-ка, покажи! – Начальник тоже посмотрел туда, склонился поближе к карте, взгляделся... – Ага, Уго-Камэда. Есть такая!

На карте была станция Уго-Камэда, но названия Камэда нигде не было. Рядом находился город Иваки.

– Господин начальник! Раз есть такая станция, я уверен, что рядом есть местность с таким названием, – не знаю уж, маленький городок или деревня.

– Ты прав. – Начальник задумался. – Ну, ладно.

Он отправил Иманиси на место.

Смысл его слов стал понятен на совещании, которое вскоре устроили. Куродзаки собрал всех и объявил об обнаруженной Иманиси Уго-Камэде.

– Таким образом, видимо, логичнее будет воспринимать это слово не как фамилию человека, а как название места, – таким было мнение большинства. Многие поглядывали на Иманиси, который сидел там же.

– Узнаем в местном управлении полиции. Отправим им фотографию потерпевшего и пусть выяснят, есть ли у них там человек, который бы его знал, – сказал начальник.

Ответ от местной полиции пришел через четыре дня. Звонили из управления Иваки.

– С вами говорит начальник отдела расследований управления Иваки префектуры Акита, – сказали в трубку.

Ответил начальник:

– Это Куродзаки, руководитель следственной группы по данному происшествию. Благодарю за звонок.

– По поводу вашего запроса...

– Да? – Куродзаки напряженно сжал трубку. – Вы что-то узнали?

– Мои сотрудники провели расследование в отношении жителей окрестностей Камэда, но, к сожалению, ничего не обнаружили.

– Что?! – Куродзаки был разочарован.

– Показывали жителям фотографию, которую вы прислали, но никто из жителей района не сказал, что знает его.

– А что это за место – Камэда? – спросил Куродзаки.

– В районе проживает несколько тысяч человек. В данный момент район входит в город Иваки. Здесь мало пахотных земель, поэтому большинство населения занимается не сельским хозяйством, а изготовлением лапши удон и ткачеством. Поэтому людей с каждым годом все меньше. Если человек на фотографии из Камэды, то его сразу должны были бы узнать, но все говорят, что не видели такого.

– Ясно...

Похоже, что так удачно обнаруженная Камэда тоже потеряла значение для следствия. Однако слова, прозвучавшие потом, немного ободрили расстроившегося Куродзаки.

– Похожего человека не нашли, однако случилось кое-что странное.

– В каком смысле странное?

– Это произошло за два дня до получения вашего запроса. То есть, получается, почти неделю назад. По Камэде бродил не знакомый никому человек. Он остановился в единственной в Камэде гостинице. В последнее время в этой местности таких приезжих почти не бывает, поэтому он привлек внимание, и мои люди о нем расспросили.

Это были обнадеживающие новости.

– И что это был за человек? – спросил Куродзаки, перехватив трубку поудобнее.

– Возраст тридцать с небольшим. По виду фабричный рабочий. Зачем приехал, никому не известно. Я просто на всякий случай вам сообщаю.

– И что, этот мужчина просто появился там, а больше ничего странного не произошло?

– Нет, ничего такого. Никаких происшествий с ним не связано. Просто, как я уже сказал, вдруг появился неизвестный, вот я и решил вам сообщить – а вдруг это как-то связано с вашим расследованием?

– Большое спасибо. А что местные жители, никто не обращал на него внимания?

– Не то чтобы совсем... Есть одна мелочь, – продолжал полицейский из Иваки. – Возможно, в этом нет ничего особенного, но в такой сонной провинции его действия привлекли внимание. Не могу подробно сказать по телефону...

Куродзаки решил, что его просят отправить туда сотрудника.

– Спасибо вам. Посмотрим по обстоятельствам – возможно, направим к вам кого-нибудь. Тогда надеюсь на вашу помощь.

– Вас понял.

На этом звонок завершился. Куродзаки закурил и выпустил струйку дыма в потолок. Затем задумался, поставив локти на стол.

– Все тут? – спросил он присутствующих.

– Вроде все, – ответил один из полицейских, оглядев комнату.

Затеяли совещание. Начальник тут же сказал:

– Наше расследование, против ожидания, продвигается туго. На данный момент нам ничего не известно о передвижениях потерпевшего. Мы лишь считаем важным свидетелем его собеседника из бара «Торис», но и его не знаем. Все наши надежды связаны с именем Камэда. – Здесь начальник прервался и устало отпил чаю. – Четыре дня назад Иманиси сообщил, что Камэда может быть не фамилией, а названием местности. Признав его правоту, я связался с управлением Иваки в префектуре Акита, где находится местность с таким названием, и выяснил, что это район в городе Иваки.

Начальник прервался, чтобы чуть передохнуть, и продолжил:

– Мне позвонили оттуда и сообщили, что за два дня до нашего запроса, то есть примерно неделю назад, в этом районе появился какой-то странный человек. Они сказали, что подробности по телефону объяснить нельзя, но эта Камэда сейчас для нас очень важный ресурс. Судя по содержанию звонка, нам стоит отправить туда нашего сотрудника. Как вы считаете?

Он ждал мнения остальных. С этим предложением все присутствующие согласились. Расследование зашло в тупик. Как говорится, все готовы были ухватиться за соломинку. Кого отправить, тоже решили мгновенно.

– Иманиси! – сказал начальник. – Ты обнаружил эту местность. Понимаю, что задание не из легких, но, может, съездишь туда?

Столы на совещании были выстроены в форме буквы «п», и сидевший в середине Иманиси наклонил голову в знак согласия.

– Отлично. Я бы хотел, чтобы с тобой отправился еще кто-нибудь, ты не против, если это будет Ёсимура?

Начальник повернулся в противоположную сторону. Поднялся молодой полицейский, сидевший с самого края.

– Слушаюсь!

Его звали Хироси Ёсимура.

Глава 2. Камэда

1

Эйтаро Иманиси вернулся домой около шести часов вечера. Жена вытаращила глаза от удивления.

– Как ты рано!

– Если бы. Командировка. Надо сразу отправляться.

Иманиси сбросил туфли и прошел в комнату.

– Командировка? Куда?

– На Тохоку. Недалеко от Акиты.

Подробности он рассказывать не стал. Упомянешь Камэду – начнет приставать с вопросами. В таких случаях действия полиции приходилось держать в секрете от всех. Жена Иманиси, Ёсико, не была болтлива, но это не исключало вероятность того, что она в какой-то момент упомянет, куда отправился муж. Иманиси был осторожен.

– Во сколько поезд? – спросила она.

– В двадцать один, из Уэно.

– Значит, схватили преступника по тому делу?

Ее глаза заблестели.

– Нет. Никаких зацепок.

– Так что, будет засада?

– Нет. – Иманиси понемногу начинал раздражаться.

– Вот и хорошо, – успокоилась жена.

– Что именно?

– Как же! Если бы ты ехал устраивать засаду или хватать преступника, я бы беспокоилась. А если это просто сбор информации, тогда не страшно, – сказала она.

Иманиси как-то уже доводилось ездить и устраивать засаду там, где предположительно скрывался подозреваемый. Тогда ему пришлось поволноваться. Если расслабиться, не заметишь, как преступник приблизится к тебе и все узнают о твоей ужасной ошибке. Иманиси пришлось пережить такое дважды.

А еще конвоирование – это тоже по-своему опасно. Дело в том, что преступники часто замышляют побег во время перевозки их на поезде. Иманиси с этим сталкиваться не доводилось, а вот его коллегам – да. Кто-то бежал, разбив стекло в сортире, кто-то – спрыгнув на полном ходу с поезда прямо в наручники. В таких случаях полицейским было тяжело возвращаться в департамент.

Жена вздохнула с облегчением, потому что обе эти опасности Иманиси не грозили. Честно говоря, он и сам ощущал отсутствие напряжения. Ему достаточно съездить в Камэду и расспросить там людей. Но вот если это не принесет успеха, следственная группа тоже в каком-то смысле уронит свой престиж.

Вообще-то он сам обнаружил местность под названием Камэда и создал повод для нынешней поездки. Таким образом, на нем лежала большая ответственность.

– А кто поедет с тобой?

Полицейские не отправляются в командировки в одиночку. Всегда ездят парами. Жена об этом знала – вот и задала вопрос.

– Ёсимура, – проронил Иманиси.

– Ёсимура – это тот молодой человек, который приходил к нам на прошлый Новый год? Он зайдет?

– Кто же ему разрешит. По отдельности будем садиться.

Эйтаро Иманиси прибыл на станцию Уэно в 8.40 вечера. У платформы уже стоял экспресс «Хагуро» до Акиты. Иманиси незаметно огляделся. Никаких журналистов, кажется, не было. И все равно он из осторожности не стал сразу садиться в вагон, подошел к киоску на перроне и купил сигареты. Его коллегу, Ёсимуру, конечно, тоже не было видно.

Иманиси собирался выкурить одну сигарету, чтобы не спеша проверить, нет ли знакомых лиц. И тут его кто-то хлопнул сзади по плечу.

– Привет, Иманиси!

Полицейский удивленно обернулся. Ему улыбался корреспондент газеты «С.» по имени Ямасита.

– Куда это вы в такое время?

Иманиси подумал, что его поймали в неудачный момент. Однако, ничем не выразив досаду, ответил:

– Да так, кое-какие дела в Ниигате.

– В Ниигате? – Глаза Ямаситы сверкнули – кажется, он что-то себе вообразил. – А что там, в Ниигате?

– Да ничего, – ответил Иманиси и стал быстро придумывать причину.

– Странно. У вас же там переполох в связи с убийством в депо, верно? А вы так спокойно отправляетесь в Ниигату – я чувствую какой-то запах.

– Никакого запаха, – с притворным гневом возразил Иманиси. – Ниигата – родина моей жены. Тесть мой умер. Вот и мчусь туда. Сегодня телеграмму получили.

– Правда? Мои соболезнования, – сказал Ямасита, но тут же, ухмыляясь, добавил: – А что-то супруги вашей не видно?

Иманиси про себя чертыхнулся. Но тут же выкрутился.

– Телеграмма пришла днем. Жена первой поехала. А у меня еще были дела в связи с расследованием, вот и задержался.

– Правда?

Ямасита все-таки купился.

– А ты чего здесь болтаешься? – в свою очередь спросил Иманиси.

Ему не хотелось ехать вместе с этим типом.

– Встречаю человека из Ниигаты.

– А-а, ясно. Что ж, удачно встретиться. – Иманиси успокоился. – Ну, пока.

Он помахал рукой и неспешно зашагал по перрону.

– До свидания, – проводил его взглядом Ямасита.

Иманиси сначала пошел в другую сторону. Улучив момент, обернулся – журналиста уже не было видно. Он вздохнул с облегчением. Затем осторожно смешался с толпой, вернулся обратно и запрыгнул в вагон ближе к хвосту поезда.

Поезд был почти заполнен. В последнем вагоне Ёсимуры не было видно. Иманиси прошел в предпоследний, там тоже все места были заняты. Он перешел в следующий.

Только здесь он заметил Ёсимуру, который сидел с противоположной от платформы стороны. Он занял место и для Иманиси, поставив на сиденье чемодан.

– Привет! – сказал Иманиси, и Ёсимура с улыбкой поднял руку.

– Тебя журналист не видел? – первым задал вопрос Иманиси.

– Нет, все в порядке. – Ёсимура освободил соседнее место. – А вас?

– Да. Смотрю – хлопает меня по плечу один тип из газеты «С.». Ну, я и удивился! Делать нечего, наврал ему, что еду в Ниигату, на родину жены. Аж холодный пот прошиб.

– Правда?

Иманиси хотелось, чтобы поезд скорее отправлялся.

Он никак не мог успокоиться, ему казалось, что пока они стоят, их может заметить еще кто-нибудь. Оба полицейских старались не поворачиваться в сторону платформы, рассматривая в окно пути. Когда прозвучал сигнал к отправлению, оба почувствовали настоящее облегчение.

– Этот поезд останавливается в Хондзё около половины восьмого? – спросил Иманиси.

– Да. В семь сорок семь. Там мы переседем, и еще двадцать минут до Камэды, – ответил старшему Ёсимура.

– Ты бывал на Тохоку?

– Нет, ни разу.

– Я тоже впервые. Эх, Ёсимура, нам бы семьями спокойно отправиться в путешествие, а? Сплошные командировки, никакого удовольствия.

– У меня в отличие от вас жены нет, – улыбнулся Ёсимура. – Так что могу в любые командировки ездить. Одному гораздо веселее.

– Тут ты, пожалуй, прав. К тому же в этот раз у нас ни сопровождения подозреваемого, ни засад – можно чувствовать себя спокойно.

– Я слышал, это вы обнаружили место под названием Камэда, но если это то, что нам нужно, это же победа!

– Этого мы не знаем. Возможно, мне потом устроят выволочку: придумал невесть что, потратил зря деньги на поездку...

Некоторое время они болтали. Рядом были другие пассажиры, поэтому разговоры о деле прекратились. Оба они ехали на Тохоку впервые и часов до одиннадцати не могли уснуть. За темными окнами изредка мелькали огни домов. Вечерний пейзаж было не разглядеть, но им все равно казалось, что из темноты доносится аромат Тохоку.

Когда рассвело, они были уже в Цуруоке. В Сакату прибыли в половине седьмого. Иманиси проснулся первым, а сидевший рядом Ёсимура спал, скрестив руки на груди и откинув спинку кресла.

Пересев в Хондзё, они добрались до Камэды около десяти. На станции никого не было. Но дома на улице выглядели прилично, хотя все были старыми. Город оказался гораздо благоустроеннее, чем Иманиси себе представлял. Это был северный район, где выпадает много снега, поэтому у всех домов были широкие галереи под навесами. И для Иманиси, и для Ёсимур, которые раньше здесь не бывали, такое оказалось в диковинку. Над городом нависали горы.

– Что-то я проголодался, – сказал Ёсимура.

– Есть такое. Что ж, перекусим где-нибудь поблизости.

Они зашли в столовую у станции. Посетителей было всего несколько человек. Половину столовой занимал сувенирный киоск, а на втором этаже находились комнаты для постоя.

– Что возьмем?

– Надо подумать. Я бы съел что-нибудь, где риса побольше. Очень уж голодный.

– Ты так сладко спал!

– Правда? Хотя да, вы меня разбудили. А вы рано проснулись?

– Все-таки возраст сказывается. После Цуруоки глаз не сомкнул.

– Обидно. А я хотел посмотреть на Цуруоку.

– Будешь так дрыхнуть – ничего не увидишь.

– А вы так рано проснулись – наверное, умираете с голоду.

– Я не ты.

Иманиси взял лапшу соба. Они сели рядом и принялись за еду.

– Мне тут странная вещь пришла в голову. Не знаю, что скажете по этому поводу, – сказал Ёсимура, захватывая палочками рис с тэмпурой. – Вот мы едим по всяким командировкам. А после этого я вспоминаю не столько разные местные виды, сколько вкус еды. Бывает, что мы возвращаемся в нервной обстановке, сопровождая преступника. И все равно, я помню не эти

сложности, а еду, которую попробовал в том или ином месте. А ведь командировочные нам выдают впритык, ничего особо вкусного нигде не поешь. Покупаем карри или рис с каким-нибудь мясом, яйцом – то же, что и везде, а все равно вкус повсюду разный. Вот этот – как бы это сказать? – местный вкус я и вспоминаю в первую очередь.

– Ишь ты... – Иманиси заглывал лапшу. – Ты все-таки молодой. Я бы хотел запомнить виды.

– Ой, точно же! – Рука Ёсимуры замерла. – Вы ведь пишете хайку, да? Вот поэтому-то и обращаете больше внимания на пейзажи. Наверное, и в этой поездке наберете впечатлений для новых?

– Разве что ерунду какую-нибудь, – засмеялся Иманиси.

– Кстати, а что мы будем делать дальше? Поедим – и сразу в местное управление?

– Да, отправимся к ним.

– А мне все равно странно. Мы ведь сюда приехали, потому что вы просматривали приложение к журналу вашей супруги. Если бы не оно, я бы никогда здесь не очутился. Вот так смотришь – и можно поверить в то, что в жизни все может измениться из-за какого-то пустяка, – сказал Ёсимура, наливая чай после того, как съел все до последней рисинки.

2

Здание полицейского управления Иваки было старым. Они вошли внутрь, и Иманиси протянул визитные карточки полицейскому, сидевшему за грязноватой стойкой.

– Прошу, – сказал тот при виде визиток и сразу провел их в кабинет начальника.

Начальник занимался документами, но, увидев прибывших, отодвинул стул и встал. Он явно сразу понял, кто перед ним, даже не глядя на визитки.

– Пожалуйста, садитесь, – толстый начальник управления с улыбкой велел поставить перед посетителями стулья.

Гости представились.

– Я Эйтаро Иманиси из подразделения по борьбе с насильственными преступлениями Токийского департамента полиции.

– А я его коллега, Хироси Ёсимура.

– Спасибо, что приехали.

Начальник усадил их. Иманиси поблагодарил его за работу.

– Спасибо, и извините, что доставили вам столько хлопот.

– Что вы, что вы, не знаю, насколько это будет вам полезно, но решил сообщить.

Молодой полицейский принес чая.

– Как вы добирались? – спросил начальник, предлагая гостям лежавшие на столе сигареты. – Сразу к нам пришли?

– Нет, вышли на станции Уго-Камэда, хотели оглядеться, посмотреть, что тут у вас за место. А потом уже доехали на автобусе.

– Ясно. Вы у нас первые посетители из столичного департамента. В целом я имею представление о деле по вашему запросу, но не знаю подробностей. Не могли бы вы рассказать о нем?

– Слушаюсь, – и Иманиси изложил суть дела об убийстве в депо Камата.

Начальник местного управления слушал с интересом.

– Ясно. Вот, значит, как следствие дошло до нашей Камэды.

– Совершенно верно. И использование местного диалекта, и упоминание Камэды позволили нам сделать такие выводы.

– Теперь все понятно. Как я и говорил по телефону вашему начальству, у нас ничего особенного не случилось. Вы, возможно, знаете, что наша Камэда – это бывший призамковый город. Княжество у нас было маленькое, с доходом всего двадцать тысяч коку². Поэтому большинство – местные уроженцы, – начал свои объяснения начальник управления. – Вы, наверное, уже заметили, что с трех сторон нас окружают горы. Пахотных земель мало, население занимается производством лапши удон и ткачеством. До войны наши ткани – они даже имели специальное название, «камэда-ори» – ценились высоко, а сейчас это ремесло пришло в упадок. Следовательно, год от года молодежь уезжает из городка, и население уменьшается – вот такая тенденция.

Полицейский говорил на стандартном языке, но интонации у него были явно местными, проскакивали диалектные особенности.

– Таким образом, если ваш человек из этих мест, мы должны его знать. Я посылал своих людей с фотографией потерпевшего, которую мне прислали из вашего департамента, опрашивать местных жителей, но он, похоже, не отсюда. Однако... – Тут он прервался. – Примерно с неделю назад у нас тут появился странный человек.

² Коку – мера объема (ок. 180 л). В коку риса (ок. 150 кг – среднее количество белого риса, которое один человек съедал за год) измерялся доход феодалов. 10–30 тысяч коку риса – минимальный положенный доход.

– Та-ак. В каком смысле странный? – спросил Иманиси.

– На первый взгляд он выглядел как рабочий, в потертом старом пиджаке, возраст – примерно от тридцати до сорока. В этом, конечно, ничего странного нет, но когда от вас пришел запрос и я отправил людей проверить окрестности Камэды, тогда-то мы и выяснили, что появлялся тут такой тип.

– Ясно. И что же это значит?

– Он остановился в гостинице под названием «Асахи-я». Это старинный постоялый двор, он имеет у нас определенную репутацию. Ничего неожиданного в том, что человек там остановился, однако для посетителей, которые выглядят как рабочие, такие традиционные рёканы³ обычно не подходят.

– Та-ак.

– В рёкане ему сначала отказали. Разумеется, отказали вежливо, глядя на его внешний вид. Однако он сообщил, чтобы о деньгах не беспокоились и что он готов заплатить вперед, но обязательно хочет остановиться в этой гостинице. Хозяин решил, что все равно постояльцев в это время нет, так что можно и пустить гостя. Конечно, провели его не в хороший номер, а дали комнату поплотше.

Услышав это, Иманиси вспомнил мужчину, который сопровождал потерпевшего в распивочной у станции Камэда. Про его возраст свидетели тоже говорили: кто – тридцать, кто – сорок лет. То же самое было сказано о его внешности: выглядит как рабочий. Он стал еще внимательнее слушать рассказ.

– И что случилось потом?

– Ничего, это все. Ничего не произошло, за комнату он, как и условились, заплатил вперед. И даже горничной дал чаевые – пятьсот иен. У нас тут таких постояльцев не бывает, чтобы обслуге по пятьсот иен давать. Хозяин гостиницы даже раскаивался потом – мол, надо было дать ему комнату получше.

Иманиси промолчал.

– Да и то сказать: если постоялец так выглядел, понятно, что в гостинице до самого конца остерегались.

– А что он делал в гостинице?

– Прибыл под вечер, поел и, сказавшись усталым, даже ванну не стал принимать, сразу завалился спать. А хозяин и того пуще перепугался.

– А что, случилось что-то пугающее?

– Случилось вот что. Гость проспал до начала одиннадцатого, потом проснулся, позвал горничную и спросил, до которого часа в гостинице не запирают двери. Та ответила, что не спит примерно до часа ночи, и тогда постоялец сказал, что сходит по делам, надел гэта, которые выдавали всем гостям, и куда-то ушел.

– Ушел в одиннадцатом часу вечера? – уточнил Иманиси.

– Именно, – ответил начальник управления и продолжал: – А вернулся он, говорят, уже во втором часу ночи. Да, я забыл сказать: у него с собой в качестве багажа была сумка через плечо, ее он оставил в гостинице. У нас тут все двери рано запирают, так что неизвестно, что он делал с начала одиннадцатого до часа ночи. Хотя в обычном большом городе это, наверное, никого не удивляет. А в нашей местности такие странности бросаются в глаза.

– Да уж, наверняка. А после того, как он вернулся со своей прогулки, он не вел себя как-то необычно?

– Говорят, что нет. Непохоже было, что он выпил, вернулся таким же, как и уходил. Горничная спросила у него, где он был, а он ответил, что у него были дела неподалеку, вот

³ Рёкан – гостиница японского типа.

он ими и занимался. Она еще подумала тогда – что за дела такие после десяти вечера, ей это показалось странным. А когда от меня пришли сотрудники всех опрашивать, это и выплыло.

– Ясно. А остались записи о нем в гостиничном журнале регистрации?

– Остались. Я мог бы и сам их получить, но когда сказали, что от вас приедут, я специально оставил их в гостинице. Если надо, можете забрать их с собой.

– Спасибо большое. А больше ничего странного не происходило?

– В гостинице – нет. Тот человек в девятом часу утра уже уехал. Хотя за завтраком горничная его спросила – мол, куда теперь, и он сказал, что на поезде отправится в Аомори.

– А как он записал свой адрес в журнале?

– Город Мито, префектура Ибараки.

– Ага, значит, он из Мито.

– Так у них записано. Но так ли это на самом деле, вам надо будет уточнить. Когда служанка спросила, хорошо ли в Мито, он стал ей рассказывать об окрестных достопримечательностях. Так что вряд ли он совсем не имеет отношения к этому городу.

– А род занятий?

– Судя по записям, работает в какой-то компании, но они не спрашивали, в какой именно.

– Значит, странным показалось его отсутствие в течение трех часов ночью.

– Верно. Нет, если бы дело было только в этом, я бы не стал просить вас специально приезжать. Было и еще кое-что.

– И что же?

– Во-первых, он болтался перед магазином лапши.

– Каким магазином?

– Как я уже говорил, Камэда известна производством лапши удон. Поэтому у лавок тех, кто этим занимается, сушится лапша. Вот там он и появился.

– И что он сделал, появившись перед лавкой? – уточнил Иманиси.

– Да, в общем-то, ничего. Просто стоял там, где развешана лапша для просушки, – криво усмехнувшись, сказал начальник.

– Что значит – просто стоял?

– Да то и значит. Ничего не делал, просто задумчиво стоял там минут двадцать, смотрел на лапшу.

– Хм.

– Хозяин лавки сказал, что поглядывал за ним, – торчит перед лавкой без дела какой-то тип неприятной наружности... Но ничего особенного не произошло, он в конце концов просто тихонько ушел куда-то. Вот, собственно, и все. Но, может быть, это будет вам полезно?

– Непременно, – уверенно кивнул Иманиси. – Конечно, всякое может быть. А тот человек, что останавливался в гостинице, и тот, что стоял перед лавкой лапши, – это ведь был один и тот же человек?

– Думаю, да. И второе, – начальник опять чему-то улыбнулся.

– Что?

– В городе Камэда течет река. Называется Коромогава. Так вот, на насыпи вдоль берега вроде бы тот же самый человек долго спал днем.

– Погодите-ка! – перебил его Иманиси. – Это произошло на следующий день после того, как он переночевал в гостинице? Или...

– Не на следующий. Я говорю о том дне, когда он остановился на ночлег. Как я уже сказал, в рёкан он пришел к вечеру, стало быть, днем перед этим.

– Ясно. Пожалуйста, продолжайте.

– Да нет, это все. Мужчина спал на берегу реки – больше ничего. У нас тут нет таких, у кого есть столько свободного времени. По насыпи проходит дорога. По ней шел местный житель, он и подумал, что человек спит в каком-то странном месте. Решил, что бродяга.

– Ясно.

– В общем-то, об этом не болтали. Просто когда полицейские опрашивали жителей, этот факт всплыл. Спрашивали, не было ли чего необычного, – вот человек и рассказал, мол, да, было такое.

– Выходит, этот мужчина днем спал на земле. А вечером того же дня вышел из рёкана в одиннадцатом часу и около часа ночи вернулся. Да уж, это странно.

– Почему? – теперь начальник управления посмотрел на Иманиси.

– Днем выспался на насыпи, а ночью ушел из гостиницы – не похоже на обычного человека.

– А-а, вы, наверное, думаете о каком-то воре. Мне это тоже приходило в голову. Но в то время никаких краж в городе не совершалось. Если бы обнаружился какой-то ущерб, его бы сразу связали с тем человеком. А поскольку ничего нет, наоборот, невозможно выяснить, кто это.

– А этот мужчина болтался по округе только один день? – спросил Иманиси.

– Да, только в тот день. Как вы думаете, это связано с вашим расследованием?

– Думаю, да, – улыбнулся Иманиси. – Очень все это странно. Что ж, мы, пожалуй, немного пройдемся.

– Да? Хорошо, отряжу с вами сотрудника.

– Нет, не стоит. Скажите нам только, куда идти, мы сами доберемся. Так будет удобнее.

– Правда?

Начальник управления позвал полицейского, чтобы тот рассказал гостям, где находится рёкан «Асахи-я» и лавка удоны. Иманиси и Ёсимура поблагодарили его и ушли. Сев в автобус, они направились в Камэду. В автобусе ехали только местные. Разговоры пассажиров между собой было иногда сложно понять – настолько силен был местный акцент.

Дома почти сразу закончились, автобус поехал вдоль полей. В окно можно было любоваться красотой подступающих гор, покрытых свежей зеленью. Здесь сезоны явно сильно опаздывали по сравнению с Токио. Иманиси рассеянно рассматривал окрестности.

Выйдя на указанной остановке, они зашли в «Асахи-я». По словам начальника полицейского управления, заведение имело устоявшиеся традиции, но и само здание было старым. Внушительный вход под двускатной крышей был как будто не из этого времени.

– Мы из полиции, – протянул Иманиси значки с удостоверениями вышедшей навстречу прислужнице.

Они сказали, что хотели бы поговорить с хозяином, и из глубины здания появился мужчина лет сорока. Несмотря на то, что был в брюках, он опустился перед Иманиси на колени.

– Мы из Токийского полицейского департамента, – усевшись на татами, заговорил Иманиси.

Хозяин пригласил их внутрь, но они отказались заходить, поэтому прислужница вынесла к порогу подушки для сидения и чай. Иманиси кратко пересказал услышанное от начальника местной полиции. Хозяин кивнул:

– Верно, был у нас такой постоялец.

– А не могли бы вы рассказать о нем подробнее? – спросил Иманиси, и мужчина послушно заговорил, но его слова мало отличались от того, что они уже слышали в полицейском управлении.

– Я слышал, у вас есть журнал регистрации, где записан гость, – спросил Иманиси.

– Есть, – кивнул хозяин.

– Можно нам на него взглянуть?

– Да.

Хозяин попросил прислужницу принести журнал. Это оказалась не книга, а отдельные квитанции.

– Вот, – протянул им листок хозяин.

Там было написано: «Префектура Ибараки, город Мито, *** район, *** дом, Тюскэ Хасимото». Написано было криво, как будто писал ученик младших классов. Однако с учетом того, что мужчина походил на рабочего, такой почерк тоже выглядел вполне естественно.

Иманиси внимательно вглядывался в написанное. Затем он расспросил хозяина о внешности постояльца. Лет тридцати, высокий. Телосложение – ни худой, ни толстый. Лицо чуть удлиненное, прическа без пробора, волосы короткие. Кожа смуглая, однако черты лица правильные, нос красивой формы. Впрочем, это свое лицо он всегда опускал и даже во время разговора не смотрел собеседнику в глаза. Только в этом впечатление прислужниц расходились.

Иманиси спросил о манере речи мужчины. Ему сказали, что он точно не говорил на местном диалекте. Речь его была ближе к стандартной, голос чуть глуховат. Общее впечатление – мрачноват и словно бы очень уставший. В этом все сошлись.

Ни саквояжа, ни чемодана у мужчины не было. Он носил только тканевую сумку через плечо, с какими ходили во время войны, в нее, видимо, и запихивал свои вещи. Сумка выглядела раздутой.

То же самое полицейские услышали, когда отправились в лавку, где делали удон. Рядом с лавкой сушилась лапша: стояли бамбуковые шесты, с них свисали длинные белые полосы – они сверкали на солнце и были похожи на белые водопады.

– Вот там он стоял, – объяснила вышедшая к ним хозяйка.

Она указала на тропинку, пролежавшую метрах в двухстах от сушильни. Здесь расстояния между домами были довольно велики, земля в промежутках заросла травой. По этим пустырям проходили дорожки, ведущие на главную улицу. Мужчина, о котором шла речь, около тридцати минут торчал на одном из пустырей, то садясь на корточки, то снова вставая.

– Шибко странным он мне показался. Но вроде плохого ничего не замышлял, бранить его было не за что. А потом приходил полицейский и спрашивал, не было ли чего странного, я и рассказала ему об том.

– То есть он наблюдал за тем, как сушат удон?

– Да вот то ли на удон пялился, то ли лоботрясничал – не поняла я.

Не получив никакой иной информации, Иманиси и Ёсимура ушли. Все было так, как им рассказали в управлении. Через какое-то время они вышли к берегу большой реки.

Верховья ее уходили в нависающие друг над другом горы. На насыпи вдоль берега росла трава.

– Значит, вот здесь он спал, – сказал Иманиси, оглядывая пейзаж.

На противоположном берегу по насыпи шла крестьянка с мотыгой на плече. Если бы не их дела, путешествие оказалось бы вполне спокойным.

– Иманиси! – окликнул его Ёсимура. – Как вы считаете, этот мужчина все-таки был тогда вместе с потерпевшим в Камате?

– Сложно сказать. Но обстоятельства складываются странные, это правда.

– Однако же концы с концами не сходятся.

Ёсимура с печальным видом стоял рядом с Иманиси.

– Как думаете, в гостиничной книге было фальшивое имя? – спросил он.

– Само собой. Самое что ни на есть вранье!

Иманиси сказал это так убедительно, что Ёсимура поверил.

– Но откуда вы знаете?

– Ты ведь видел эту запись?

– Да, видел. Коряво написано.

– Само собой. Он же левой рукой писал. Вот, смотри.

Иманиси порылся в кармане и вытащил аккуратно сложенный листок.

– Приглядишься. Здесь же совершенно нет, так сказать, движения в буквах. Да и не бывает таких корявых записей. Ты ведь помнишь, что сказала прислужница? Гость заполнил книгу не у нее на глазах: она положила листы и ушла, а когда пришла в его комнату, все уже было заполнено. Значит, он написал это левой рукой, пока ее не было.

Ёсимура заглянул в листок.

– И правда, почерк странный.

– Это не просто плохой почерк, буквы так странно выглядят, потому что он писал левой рукой. Раз правша писал левой, значит, хотел, чтобы его почерк не узнали. А значит, и адрес, и имя выдуманные.

– Действительно, все так, как вы говорите. – Ёсимура выслушал его объяснения довольно спокойно. – Ну, хорошо, мужчина остановился в этой гостинице, но куда же он ходил с десяти до часа ночи? Если посмотреть на его перемещения днем, никаких особых дел у него не было.

– Я тоже как раз над этим размышляю.

Иманиси сунул руки в карманы брюк и остановился в траве. На реке небольшая рябь создавала барашки, за горы на том берегу садилось солнце, заставляя их отбрасывать тень.

– Какая-то странная у нас командировка, – сказал Ёсимура.

– Да уж, результаты разочаровывают.

Это действительно было так. Они забрались так далеко, только чтобы послушать о передвижениях странного мужчины. Неизвестно, какую роль впоследствии сыграет этот листок с записью, сделанной левой рукой, но сейчас выходило, что они приехали в маленький городок на Тохоку только чтобы о ней узнать.

– Что будем делать? – тусклым голосом спросил Ёсимура.

– Что-что... Здесь мы ничего не нашли, так что поедем домой.

– А выяснять, откуда взялся и куда делся тот мужчина, не будем?

– Думаю, это бесполезно. Скорее всего, здесь, в Камэде, он пробыл всего один день.

– Но с какой целью он сюда приехал?

– Кто же знает. Если он бродит повсюду в поисках подработки, так почему не спрашивал никого о работе? Но все же ты прав, давай на всякий случай поспрашиваем в ближайшем городе, раз уж мы здесь. Ну же, взбодрись! – сказал Иманиси, глядя на унылое лицо Ёсимур.

3

На следующий день после обеда Иманиси и Ёсимура снова навестили начальника полицейского управления Иваки.

- Спасибо вам большое за помощь, – поблагодарил его Иманиси.
- Не за что. Что-нибудь добыли? – улыбнулся толстый начальник.
- Благодаря вам узнали кое-что конкретное.
- Правда? Ну и как, это поможет?
- Думаю, да, – ответил Иманиси.

На самом деле ничего они не узнали, но нужно было сохранить лицо и здешнего начальника, который специально рассказал им обо всем. И вообще, возможно, эта информация пригодится им в дальнейшем.

– Это очень хорошо. Значит, не зря я вам обо всем сообщил, – удовлетворенно сказал начальник. – И что вы потом сделали?

– Да вот, подумали, что не стоит ограничиваться Камэдой, решили проверить окрестные деревни – а вдруг он и там появлялся?

– Ого, это нелегко. И какие результаты?

– В других местах он не появлялся. Только в Камэде. Возможно, сел потом на поезд здесь и уехал куда-то. Мы сначала предположили, что он бродит везде в поисках работы, так что попытались выяснить, откуда он приехал и куда отправился, но никаких следов не обнаружили.

– Ясно. Вы отлично потрудились. И все-таки странно это: почему он побывал только в Камэде?

– В том-то и дело. Но можно и так посмотреть: вероятно, это еще будет иметь значение.

Они еще некоторое время поболтали, а затем Иманиси, улучив момент, попрощался. Начальник управления проводил их до выхода из комнаты. Полицейские пошли к станции вдоль домов с характерными северными навесами.

– На каком поезде поедem? – на ходу спросил Ёсимура.

– Давай уедем вечером. Ночной поезд самый удобный. Утром, наверное, уже будем в Уэно и сразу пойдем в департамент.

Они не видели расписания, поэтому время отправления точно не знали. Хотели дойти до станции и выбрать подходящий поезд. Станция была маленькая. Расписание висело над входом. Они задрали головы, разглядывая его.

И тут сзади раздался шум. Иманиси обернулся: вокруг нескольких молодых мужчин с чемоданами толпились еще несколько – по виду журналисты. Некоторые даже держали в руках фотоаппараты и непрерывно снимали молодых людей. Иманиси сразу понял, что те не отсюда. Очевидно, из Токио. Почему же их окружили местные репортеры? Инспектор заинтересованно уставился на них.

В центре группы были четверо. Явно токийцы. Одеты нарочито просто, но если присмотреться, сразу видно, что каждый предмет одежды тщательно подобран. Эдакая небрежная элегантность. Среди интеллигенции таких людей много. Действительно, среди этих четверых один был с длинными волосами, другой – в берете, всем около тридцати лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.